

Настоящий материал (информация)
произведён, распространён или направлен
иностранным агентом
«Автономная некоммерческая организация
“Институт права и публичной политики”»
либо касается деятельности
иностранного агента
«Автономная некоммерческая организация
“Институт права и публичной политики”»

Конституция, сексуальная автономия и «ЛГБТ-пропаганда»: режим (не)совместимости?

Авторы: Иван Брикульский,
Александр Кальва,
Виталий Исаков

Корректор: Софья Успенская

Библиографическое описание:

Конституция, сексуальная автономия и «ЛГБТ-пропаганда»: режим (не)совместимости?. —
Москва : Центр конституционных исследований, 2022

Публикуется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial»
(«Атрибуция-Некоммерчески») 4.0 Всемирная.
Онлайн-версия публикации: <http://reports.ilpp.ru/lgbt>

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
I. КОНСТИТУЦИЯ И ЗАПРЕТ «ЛГБТ-ПРОПАГАНДЫ»: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ	4
Российская Федерация — демократическое правовое государство	4
Установление общеобязательной системы взглядов — идеологии	4
Законом устанавливается аксиома, что люди, распространяющие информацию по ЛГБТ+ тематике, нарушают права и свободы других лиц	5
Законом устанавливается приоритет «традиций» над правами человека	6
Законом устанавливается неравенство прав и свобод человека и гражданина	7
Право на достоинство личности перестаёт распространяться на представителей ЛГБТ+ сообщества	8
Закон позволяет собирать, распространять и хранить информацию о частной жизни лица без его согласия	8
Закон позволяет нарушать презумпцию невиновности	9
Закон лишает граждан и организации права выражать мнение по проблемным вопросам, в том числе в целях самозащиты	9
Вводимые законом ограничения умаляют свободу деятельности общественных объединений, создаваемых ЛГБТ+ сообществом	10
Принятие закона станет препятствием для проведения публичных акций представителями ЛГБТ+ сообщества	11
Несоразмерное ограничение конституционных прав и свобод	11
II. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД И ВОПРОСЫ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ, ИНДИВИДУАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И «ЛГБТ-ПРОПАГАНДЫ»: ВСЁ ПЕРЕПЛЕТЕНО?	13
1) Определение от 16 ноября 2006 года № 496-О	13
2) Определение от 19 января 2010 года № 151-О-О	13
3) Определение от 24 октября 2013 года № 1718-О:	14
4) Постановление от 23 сентября 2014 года № 24-П	15
5) Определение от 27 октября 2015 года № 2534-О-Р	17
6) Заключение от 16 марта 2020 года № 1-З	17
ВЫВОДЫ	20

ВВЕДЕНИЕ

Отношение Российского государства к гомосексуальности достаточно своеобразное и противоречивое. Несмотря на устоявшийся образ России прошлого как оплота традиционализма, гомосексуальные отношения не наказывались государством вплоть до 1706 года, когда была введена смертная казнь «за содомию», касающаяся исключительно солдат. Новое ужесточение было введено лишь в 1832 году при Николае I: «уличённые в преступлении мужеложства» подлежали лишению всех прав, их наказывали плетью и отправляли в ссылку. Русская революция 1917 года внесла свои коррективы и сделала на короткое время Россию одним из самых «сексуально раскрепощённых» государств. Правда, впоследствии советское законодательство ввело уголовное наказание за гомосексуальность. Декриминализация однополых отношений произошла только в 1993 году.

С 1993 года прошло практически 29 лет, была принята новая Конституция, появился Конституционный Суд, а разговоры о необходимости государственной стигматизации сексуальных меньшинств, их любого публичного упоминания и проявления продолжают с незавидной регулярностью. В некоторых случаях даже предлагается и криминализация всего того, что связано с пропагандой «нетрадиционных сексуальных отношений». Примечательно, что после введения административной ответственности за «пропаганду» среди несовершеннолетних в 2013 году почти все инициативы, которые предлагали распространить ответственность на более широкую публичную сферу, неизбежно тонули в рутине парламентской бюрократии. Ситуация изменилась только в 2022 году. Так, в Государственную Думу был внесён ряд законодательных изменений в отношении «ЛГБТ-пропаганды» — Законопроект № 217471-8 и Законопроект № 217472-8. Принятые впоследствии изменения коснулись большого круга законов — законов об информации, информационных технологиях и защите информации, СМИ, кинематографе, рекламе, законов о защите прав детей и даже о защите прав потребителей. За нарушение новых запретов вводится административная ответственность. Неопределённость формулировок позволяет запрещать практически любую информацию, которая касается существования сексуальных меньшинств, ЛГБТ-тематики; под запрет попадает даже демонстрация однополых отношений.

Говоря об очередной попытке запретить и стигматизировать вопрос сексуальной ориентации, нужно понимать следующую очень важную вещь: данные ограничения вводятся при действующей Конституции 1993 года, которая в первых двух главах устанавливает жёсткие пределы подобным инициативам. В нашем докладе мы задались вопросом о том, насколько очередной запрет «ЛГБТ-пропаганды» соответствует Конституции, конституционным целям, а также правовым позициям Конституционного Суда. Доклад состоит из двух частей: первая затрагивает оценку запрета «ЛГБТ-пропаганды» с точки зрения Конституции 1993 года и её норм, а вторая содержит обзор и анализ практики Конституционного Суда.

Подробнее в нашем новом большом материале.

I. КОНСТИТУЦИЯ И ЗАПРЕТ «ЛГБТ-ПРОПАГАНДЫ»: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Российская Федерация — демократическое правовое государство

Согласно статье 1 Конституции, Россия — демократическое правовое государство. Статус демократического и правового государства возлагает на власти обязанность действовать исключительно в соответствии со стандартами правового государства. Это же касается и законодателя: его действия должны осуществляться при неукоснительном соблюдении конституционных стандартов прав и свобод, а принимаемые законы должны быть максимально определёнными, ясными и недвусмысленными. Принцип правовой определённости законов основан на принципе верховенства права и равенстве всех перед законом и судом. Если норма носит неопределённый характер, то её применение неизбежно повлечёт за собой неоднозначное понимание и применение, а значит, и неограниченное усмотрение государства, произвол, а также нарушение конституционных прав. В постановлениях от 30 октября 2003 года № 15-П и от 10 ноября 2017 года № 27-П Конституционный Суд выработал ряд требований к законодательному регулированию, одно из которых состоит в том, что норма правового закона должна быть формально определённой, чёткой, ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, как следствие, их произвольного применения.

Законодательный запрет «ЛГБТ-пропаганды» таким требованиям не соответствует. Сами по себе формулировки носят оценочный и субъективный характер, не позволяя определить, за какие именно действия будет наступать административная ответственность.

Во-первых, закон не содержит определения понятий «пропаганда» и «нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения». В связи с этим совершенно неясно, на основании чего лица будут привлекаться к ответственности, чем отличаются «сексуальные отношения» и «сексуальные предпочтения» и как они будут определяться. Точно так же неясно, как будет определяться информация, которая «вызывает желание у детей сменить пол». Во-вторых, отсутствуют критерии «традиционности» и «нетрадиционности», что создаёт трудности с учётом многонационального и многоконфессионального состава Российской Федерации. В-третьих, под запрет попадает также информация, «демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения», при этом перечень действий, к которым следует отнести «демонстрацию», в законе отсутствует.

Неопределённость понятий «пропаганда» и «нетрадиционные сексуальные отношения» приведёт к тому, что правоприменитель будет опираться скорее на субъективные ценностные установки. В данном случае правоприменитель обладает неограниченным административным усмотрением, пределы которого не устанавливаются, а значит, применение новых запретов неизбежно приведёт к произволу и нарушению конституционных прав.

Установление общеобязательной системы взглядов — идеологии

Как следует из пояснительной записки, парламентарии изначально исходят из того, что негетеросексуальность признаётся некой патологией, соответственно, любое позитивное отношение к этому явлению будет подлежать наказанию. Закон также исходит из того, что «ЛГБТ-пропаганда» — это некая система взглядов, которая подлежит обязательному запрету и исключению из общественной жизни. Своей инициативой законодатели исключают из общественной жизни практически любую информацию о негетеросексуальной ориентации, в том числе для совершеннолетних. Под запрет подпадает не только «пропаганда», но и «демонстрация».

Статья 13 Конституции устанавливает, что в Российской Федерации признаётся идеологическое и политическое многообразие (части 1 и 3), а также то, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (часть 2).

Если исходить из того, что принадлежность к ЛГБТ+ сообществу действительно является некой системой взглядов, то закон запрещает любое проявление её в книгах, фильмах, Интернете или соцсетях. Несоответствие той системе взглядов, которую устанавливает закон, будет наказываться значительными штрафными санкциями. Фактически такое регулирование предполагает единую систему общеобязательных взглядов в отношении любого публичного проявления ЛГБТ+ для граждан и организаций, то есть устанавливает **обязательную идеологию**. Установление обязательной идеологии позволяет государству регулировать не только идеологические стандарты общественной жизни, но и контролировать убеждения граждан. Соответственно, любые подходы и точки зрения, которые противоречат этому закону, будут преследоваться по закону, а значит, за несоответствие идеологическим рамкам к гражданам и организациям будут применяться санкции. Иными словами, закон предлагает принуждать лиц к исполнению той системы взглядов и предпочтений, которые установило государство.

Часть 2 статьи 13 Конституции исходит из того, что ни один орган государственной власти или какой-либо иной властный субъект не может устанавливать идеологию в любой форме. Государство может запрещать общественные организации, включая политические партии, которые посягают на основы конституционного строя, прямо перечисленные в конституции, но не может регулировать и задавать стандарты взглядам и предпочтениям. Следовательно, Государственная Дума или другой иной орган не может брать на себя бремя установления обязательной системы взглядов. Это прямо противоречит Конституции. Вместе с тем неопределённость формулировок закона приведёт к тому, что идеологические рамки будут устанавливаться отдельными государственными органами или должностными лицами. Статья 13 Конституции звучит однозначно: она указывает на то, что ни один публичный орган не может устанавливать критерии мнениям и взглядам. В любом случае стандарты взглядов будут устанавливаться государством.

Установление обязательной идеологии даже в отношении вопросов негетеросексуальной ориентации создаёт опасный прецедент, позволяющий впоследствии устанавливать идеологические рамки в отношении системы любых взглядов или позиций, вмешиваться в научно-исследовательскую, преподавательскую и журналистскую деятельность, а также в деятельность СМИ и кинематографа. Обязательная система взглядов затрагивает практически все конституционные права граждан. В этом заключается главный конституционный риск запрета «ЛГБТ-пропаганды» — он касается не столько ЛГБТ+, сколько любой системы взглядов.

Наличие обязательной идеологии в отношении вопросов сексуальной ориентации и информации о ней нарушает положения Конституции об идеологическом и политическом многообразии, поскольку предполагает исключительно один взгляд на сексуальные отношения, оставляя вне закона все остальные.

Подход законодателя прямо противоречит позиции Конституционного Суда по вопросу «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних, выраженной в Постановлении от 23 сентября 2014 года № 24-П (*далее* — Постановление № 24-П). В этом решении Конституционный Суд твёрдо подчёркивает, что Конституция не устанавливает какие-либо идеологические или мировоззренческие критерии и ограничения, а также не предполагает навязывание большинством своих взглядов меньшинству, в том числе в вопросах сексуальной ориентации. Несмотря на то что там же Конституционный Суд говорит о том, что недопустимо трактовать норму расширительно и использовать её для запрета публичных дискуссий и мероприятий представителей ЛГБТ+ сообщества, новый закон де-факто это запрещает и делает наказуемым.

Законом устанавливается аксиома, что люди, распространяющие информацию по ЛГБТ+ тематике, нарушают права и свободы других лиц

Часть 3 статьи 17 Конституции устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. На основании этой статьи Конституции действительно допустимо ограничение права на распространение информации с целью защиты прав

и свобод других лиц. К примеру, часть 6 статьи 10 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» запрещает распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды. Распространение такой информации запрещено, поскольку способно побудить других людей как к агрессии в целом, так и к агрессии против лиц определённой расы, национальности и религии.

В рассматриваемом законе крайне сложно определить, чьи права противопоставляются правам людей, распространяющих информацию по ЛГБТ+ тематике. Распространять такую информацию, равно как и интересоваться ей, могут люди вне зависимости от пола, религиозной принадлежности, сексуальной ориентации и гендерной идентификации. Примером может служить тот факт, что в России популярны среди различных групп населения фильмы и сериалы, в которых в том числе демонстрируются отношения между негетеросексуальными людьми.

Благодаря этому примеру, а также анализу пояснительной записки к законопроекту, который впоследствии был принят, можно сделать вывод, что законодатель противопоставляет права людей, распространяющих информацию по ЛГБТ+ тематике, правам лиц, «исповедующим традиционные ценности». Это возвращает нас к аргументу о том, что законодатель признал существование «правильных» и «неправильных» взглядов на некоторые объективные явления действительности. Распространение «правильных» взглядов (о традиционных семейных ценностях) всячески поддерживается государством, а за распространение «неправильных» взглядов государство устанавливает административную и уголовную ответственность. Это подтверждает аргумент о появлении в России обязательной государственной идеологии в нарушение статьи 13 Конституции.

Кроме того, по вопросу о пределах допустимого ограничения права на распространение информации по ЛГБТ+ тематике высказывался Конституционный Суд в Постановлении № 24-П. Он отметил, что государство не может посягать на само существование вопросов, относящихся к сфере индивидуальной автономии, а ограничения в этой сфере могут вводиться только в тех случаях, когда информация о «нетрадиционных сексуальных отношениях и предпочтениях» приобретает агрессивный, навязчивый характер, а также способна причинить вред правам и законным интересам других лиц, прежде всего несовершеннолетних, и является оскорбительной по форме.

Тем не менее законодатель «преодолеет» правовую позицию Конституционного Суда и положения Конституции, затронув ограничениями саму суть права на индивидуальную автономию представителей ЛГБТ+ сообщества. Это ограничение выразилось в принуждении негетеросексуальных людей скрывать свои отношения и не допускать их «демонстрации» в публичном пространстве, к которому могут иметь доступ несовершеннолетние. При этом такое ограничение противопоставляется ничем не подтверждённой угрозе, которую несёт демонстрация гомосексуальных отношений, для прав других лиц.

Противопоставление права на распространение информации по ЛГБТ+ тематике государственной идеологии «традиционализма» и ограничение самой сути права на индивидуальную автономию негетеросексуальных людей ради защиты «других» лиц от вымышленных угроз являются грубыми нарушениями части 3 статьи 17 Конституции.

Законом устанавливается приоритет «традиций» над правами человека

Статья 18 Конституции устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

При этом нельзя говорить о том, что права человека существуют отдельно от прав отдельных социальных групп, включая представителей ЛГБТ+ сообщества. Каждый представитель данной уязвимой социальной группы является в первую очередь человеком и гражданином, обладающим

наравне с другими людьми правами на свободу слова, на достоинство личности, на уважение частной и семейной жизни и другими. Именно эти закреплённые в Конституции права должны определять смысл и содержание законов. Однако вопрос соблюдения прав представителей ЛГБТ+ сообщества не упоминается ни в самом тексте закона, ни в пояснительной записке к законопроекту. Напротив, информацию о человеке, относящемся к указанной социальной группе, авторы закона выставляют в качестве угрозы обществу, нравственности, традициям.

Полное отсутствие учёта интересов, связанных с правами представителей ЛГБТ+ сообщества, демонстрирует, что государство отказалось от приоритета прав человека в пользу государственной идеологии «традиционализма» в нарушение статьи 18 Конституции.

Законом устанавливается неравенство прав и свобод человека и гражданина

Часть 1 статьи 19 Конституции гарантирует равенство всех перед законом и судом. Согласно части 2 статьи 19, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Конституционный Суд в Постановлении от 23 сентября 2014 года № 24-П отмечал, что граждане, «практикующие нетрадиционные сексуальные отношения», относятся к определённой социальной группе, а ограничение прав, свобод и законных интересов граждан по признаку их принадлежности к социальной группе запрещается, поскольку противоречит статье 19 Конституции: «Государство призвано принимать меры, направленные на исключение возможных ущемлений прав и законных интересов лиц по мотиву их сексуальной ориентации, и обеспечивать эффективные возможности для защиты и восстановления их нарушенных прав на основе закреплённого в статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принципа равенства всех перед законом и судом. Данный конституционный принцип, предполагающий в том числе недопустимость ограничения в правах и свободах либо установления каких-либо преимуществ в зависимости от принадлежности к тем или иным социальным группам, под которыми могут пониматься и группы лиц с определённой сексуальной ориентацией, конкретизирован в нормах отраслевого законодательства...»

Представителей ЛГБТ+ сообщества обязывают скрывать отношения, запрещают публичную демонстрацию чувств. Важно отметить, что запрещённая информация связана с отношениями представителей определённой социальной группы. Информация о гетеросексуальных отношениях не ограничивается к распространению. Таким образом, этот запрет является дискриминационным и нарушает статью 19 Конституции.

В том же Постановлении № 24-П Конституционный Суд отмечал неотъемлемость права граждан, в том числе тех, чья сексуальная ориентация «отличается от общепринятой», привлекать внимание к фактам нарушения их прав и законных интересов, в том числе посредством проведения публичных мероприятий или через средства массовой информации. Данное положение исходит из частей 1–3 статьи 13, части 1 статьи 19 и части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом, о политическом и идеологическом многообразии и о свободе искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Тем не менее закон запрещает «демонстрацию» информации об отношениях негетеросексуальных людей среди несовершеннолетних — значит, такая информация не может распространяться в публичном доступе — ни путём проведения публичных мероприятий, ни через средства массовой информации, поскольку несовершеннолетние могут получить к ней доступ.

Представители ЛГБТ+ сообщества лишаются права освещать факты нарушения своих прав и публично призывать к их соблюдению, участвовать в публичных судебных разбирательствах по делам о преступлениях дискриминационного характера, ведь эта информация может стать доступной

несовершеннолетним, что будет квалифицировано как «демонстрация нетрадиционных сексуальных отношений» либо как «пропаганда» среди совершеннолетних или несовершеннолетних. Представители ЛГБТ+ сообщества лишаются права на защиту своих прав и интересов, в связи с чем законом нарушаются статьи 45 и 46 Конституции, гарантирующие государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом, а также право на судебную защиту.

Право на достоинство личности перестаёт распространяться на представителей ЛГБТ+ сообщества

Статья 21 Конституции устанавливает право на достоинство личности, при этом ничто не может быть основанием для умаления данного права.

Исследуемый закон направлен на ограничение информации «о нетрадиционных сексуальных отношениях». Иными словами, закон направлен на ограничение распространения информации о том, что граждане России негетеросексуальной ориентации могут испытывать чувства, любить, строить отношения. Информация о чувствах и отношениях приравнивается к информации о насилии и жестокости, к материалам, содержащим нецензурную брань.

В пояснительной записке к законопроекту депутаты обосновывают принятие закона тем, что в России происходит «депатологизация» ЛГБТ. То есть законодатели исходят из того, что, если человек любит человека своего пола, это является патологией. Однако ещё в 1990 году гомосексуальность была исключена из Международной классификации болезней 10-го пересмотра решением общего собрания ВОЗ. Российская Федерация признаёт международную классификацию болезней МКБ-10, согласно которой гомосексуальность не является патологией. Таким образом, убеждения депутатов, инициировавших принятие исследуемого закона, равно как и сами положения закона, построены на ничем не подтверждённых и антинаучных представлениях.

Помимо этого, законодатели называют информацию об отношениях ЛГБТ+ деструктивной, утверждают о социальной неравноценности «традиционных» и «нетрадиционных» сексуальных отношений, приравнивают отношения негетеросексуальных людей к педофилии. Данные выдержки, равно как и положения закона, являются самоочевидным примером отказа государства от соблюдения права представителей ЛГБТ+ сообщества на достоинство личности в нарушение статьи 21 Конституции.

Закон позволяет собирать, распространять и хранить информацию о частной жизни лица без его согласия

Закон предлагает установить административную ответственность за нарушение «пропаганды» или демонстрацию «нетрадиционных сексуальных отношений». С учётом неопределённости понятий под запрет подпадает любая публичная деятельность гражданина, в том числе та, которая касается его личной и частной жизни. Это значит, что на нарушителей будет составляться административный протокол, который вместе с признаками предполагаемых нарушений будет содержать информацию о частной жизни лица. То есть единственным критерием, который позволит правоохранительным и иным государственным органом собирать, хранить, использовать и распространять информацию о частной жизни лица выступит его сексуальная принадлежность. Соответственно, эта информация будет находиться у государства на всех этапах административного производства, а впоследствии и судебного обжалования, будет отражаться в материалах дела и судебных решениях, становясь общественным и публичным достоянием без ведома лица.

Это говорит о том, что государство нарушает право на частную жизнь, осуществляет информационное вмешательство в неё, ставя под сомнение идею самоопределения и автономности личности, свободу индивида в приватной сфере жизни. Информация о сексуальной принадлежности

становится предметом внешнего контроля со стороны государства, которое фактически её регламентирует.

Часть 1 статьи 23 Конституции устанавливает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Часть 1 статьи 24 запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Однако закон против «ЛГБТ-пропаганды» позволяет государству нарушать неприкосновенность частной и личной жизни, делать такую информацию объектом внешнего манипулирования. Неурегулированность пределов усмотрения государства (границ его полномочий) неизбежно приведёт к нарушению указанных норм.

Закон позволяет нарушать презумпцию невиновности

Части 1 и 2 статьи 49 Конституции устанавливают, что каждый обвиняемый в совершении преступления не считается виновным, пока его виновность не будет доказана, а сам обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Несмотря на то что норма сформулирована применительно к уголовным правоотношениям, Конституционный Суд в Постановлении от 21 мая 2021 года № 17-П указал, что данные принципы применяются ко всем видам публично-правовой ответственности, в том числе к административной.

Закон, наоборот, позволяет государственным органам самостоятельно блокировать информационные ресурсы, которые, по их мнению, содержат информацию о «нетрадиционной сексуальной ориентации». При этом при применении санкций такие органы не наделяются обязанностью устанавливать вину конкретного гражданина или организации. Складывается ситуация, при которой сперва блокируются ресурсы с предполагаемым нарушением, а затем гражданин уже в судах обязан доказывать свою невиновность и непричастность.

Это позволяет говорить об объективном вменении, то есть о возможности привлечения лица к административной ответственности без доказательств его вины, что нарушает части 1 и 2 статьи 49 Конституции.

Закон лишает граждан и организации права выражать мнение по проблемным вопросам, в том числе в целях самозащиты

Статья 28 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому свободу выбирать, иметь и распространять убеждения и действовать в соответствии с ними. Статья 29 Конституции гарантирует свободу слова и признаёт за гражданами и объединениями право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Эти свободы ограничены лишь запретом на выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, которое должно быть запрещено законом исключительно в целях обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (статьи 18, 19 и пункт 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека; статьи 19 и 20 Международного пакта о гражданских и политических правах; статьи 9 и 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; часть 5 статьи 13, часть 2 статьи 29 Конституции РФ).

Конституция Российской Федерации, не устанавливая для свободы слова и свободы распространения информации какие-либо идеологические или мировоззренческие критерии и ограничения и не предполагая навязывание «большинством» своих убеждений и предпочтений «меньшинству», не даёт оснований и для установления запрета на ведение общественных дискуссий о сексуальных отношениях (в том числе негетеросексуальных) и об обеспечении прав, свобод и законных интересов представителей ЛГБТ+ сообщества. При этом «оскорбляющая» общественную нравственность форма подачи информации, которая касается сферы сексуальных отношений,

недопустима применительно к сексуальным установкам как гетеросексуальных, так и негетеросексуальных людей. Не должно служить препятствием для ведения подобных дискуссий и то обстоятельство, что сама по себе принадлежность к ЛГБТ+ сообществу для многих может выглядеть оскорбительной с точки зрения принятых в российском обществе норм морали или иным образом посягать на общественную нравственность и связанные с этим права, свободы и законные интересы других лиц. Этого не должно происходить, поскольку в Российской Федерации в качестве важного элемента её конституционно-правовой характеристики как правового демократического государства предполагается возможность свободного отображения в общественном дискурсе и в информационном поле различных взглядов и суждений.

Однако вводимые законом ограничения фактически блокируют развитие публичного обсуждения вопросов, связанных с сексуальным самоопределением, поддержку добровольческой деятельности граждан и их объединений по привлечению внимания общественности к имеющимся фактам нарушений прав человека в связи с сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью.

В Постановлении № 24-П Конституционный Суд особо подчеркнул, что запрет «пропаганды нетрадиционных сексуальных» отношений среди несовершеннолетних не исключает подачи соответствующей информации в нейтральном (просветительском, художественном, историческом) контексте. Такое информирование, если оно лишено признаков пропаганды, то есть не направлено на формирование предпочтений, связанных с выбором «нетрадиционных» форм сексуальной идентичности, и обеспечивает индивидуализированный подход, учитывающий особенности психического и физиологического развития детей в той или иной возрастной группе и характер конкретного освещаемого вопроса, может осуществляться с привлечением специалистов-педагогов, медиков, психологов. Следовательно, распространение информации о проблемах ЛГБТ+ сообщества среди несовершеннолетних признаётся соответствующим Конституции, а запрет ЛГБТ+ сообществу распространять свои взгляды через публичные каналы информации не обеспечивает ни одну из конституционно-значимых целей, несоразмерно ограничивает свободу действий организаций и граждан, препятствует существованию организаций.

Вводимые законом ограничения умаляют свободу деятельности общественных объединений, создаваемых ЛГБТ+ сообществом

В соответствии с частью 1 статьи 30, а также с частью 1 статьи 1, статьями 2, 13, частью 1 статьи 17, частями 1 и 3 статьи 29 Конституции РФ право каждого на объединение относится к базовым ценностям общества и государства. Оно основано на принципах верховенства права и демократии и предусматривает возможность в условиях признаваемого идеологического и политического многообразия свободно создавать объединения для защиты своих интересов и выражения своих мнений и убеждений, а также свободу деятельности общественных объединений. Статья 22 Международного пакта о гражданских и политических правах (*далее* — Пакт) устанавливает, что «каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов». Отдельно подчёркивается, что свобода деятельности общественных объединений гарантируется. Во исполнение данных принципов законодательная политика государства должна быть направлена на то, чтобы обеспечивать разным социальным группам возможность организовываться и проводить консолидированную политику по защите своих ценностей.

Закон предусматривает запрет владельцам интернет-сайтов и СМИ распространять информацию, «пропагандирующую нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения». Следовательно, объединения, связанные с ЛГБТ+, будут лишены возможности распространять информацию о своей деятельности, публично освещать проблемы (в том числе на своих интернет-сайтах), с которыми они сталкиваются, что является умалением свободы действия объединения.

Принятие закона станет препятствием для проведения публичных акций представителями ЛГБТ+ сообщества

Конституция признаёт право граждан на мирные собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (статья 31). Предлагаемые данным законом запреты влекут за собой невозможность информировать общество о планируемых мероприятиях, которые посвящены проблемам ЛГБТ+ сообщества, а также освещать подобные мероприятия и говорить публично об их последствиях. Это делает бессмысленным их проведение, так как основная цель публичных мероприятий заключается в привлечении внимания.

В связи с тем, что закон предусматривает запрет владельцам интернет-сайтов распространять информацию, «пропагандирующую нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения», информационные ресурсы, не связанные с ЛГБТ+ сообществом, также даже не смогут транслировать информацию о планах проведения и фактах проведения вышеупомянутых мероприятий.

Конституционный Суд в Постановлении № 24-П указал, что государство призвано принимать меры, направленные на исключение возможных ущемлений прав и законных интересов лиц по мотиву их сексуальной ориентации, и обеспечивать эффективные возможности для защиты и восстановления их нарушенных прав на основе закреплённого в части 1 статьи 19 Конституции принципа равенства всех перед законом и судом. В условиях демократического общества вопросы, связанные с сексуальным самоопределением, не исключаются из публичного обсуждения. Граждане, в том числе и те, чья сексуальная ориентация отличается от общепринятой, не могут быть лишены возможности в целях защиты своих прав и законных интересов и для привлечения внимания общественности к фактам нарушений данных прав и интересов использовать все не запрещённые законом способы, в том числе организовывать и проводить публичные мероприятия или освещать указанные проблемы посредством СМИ.

Несоразмерное ограничение конституционных прав и свобод

Закон исходит из ложной и необоснованной цели, которая заключается в том, что «пропаганда» и даже демонстрация негетеросексуальных отношений могут нанести вред «традиционным» сексуальным отношениям или как-либо вступить в конфликт с ними. Одновременно с этим закон также предлагает ограничить ряд конституционных прав и свобод граждан. О таких ограничениях сказано выше.

Часть 3 статьи 55 Конституции устанавливает исчерпывающий перечень оснований для ограничения прав и свобод. К таким основаниям относятся защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Этот перечень оснований и целей является исчерпывающим и не подлежит расширительной трактовке. Однако предлагаемые ограничения нельзя отнести ни к одному из перечисленных оснований. Информация о существовании негетеросексуальной ориентации и демонстрация такой информации не представляют никакой угрозы для конституционного строя, нравственности или иных оснований, которые предусматривает Конституция. Следовательно, федеральный закон, вводя ограничения, не преследует конституционной цели и предполагает ограничения прав на ложном и нелегитимном основании.

Часть 3 статьи 55 Конституции также предполагает, что любое ограничение конституционного права должно быть соразмерным. Это означает, что вводимые ограничения прав должны достигать общественно значимых целей с минимальными потерями для основных прав, а также должны быть соразмерны потенциальным угрозам. Конституционный Суд указывал, что законодатель обязан соблюдать соразмерность ограничений, исключая умаление прав (см. Постановление от 26 декабря 2005 года № 14-П), а вводимые ограничения не должны быть несоразмерными и парализующими осуществление конституционных прав (см. Постановление от 4 апреля 1996 года № 9-П).

Несоразмерность проявляется как в части фактического ограничения прав, так и в части санкции статьи. В первом случае законодатель предлагает полностью исключить из публичного поля

практически любую информацию о существовании негетеросексуальных отношений, нарушая целый комплекс вышеупомянутых конституционных прав и руководствуясь нелегитимной целью.

При этом санкция закона, то есть поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (*далее* — КоАП РФ), предлагает наказание для граждан и организаций в размере от 50 000 до 100 000 рублей, в то время как санкции за «пропаганду наркотиков» достигают только 5 000 рублей, а подкуп избирателей — 25 000 рублей, хотя угроза от этих нарушений очевидна, в отличие от угрозы, которая якобы исходит от «пропаганды» или «демонстрации» негетеросексуальных отношений.

II. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД И ВОПРОСЫ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ, ИНДИВИДУАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И «ЛГБТ-ПРОПАГАНДЫ»: ВСЁ ПЕРЕПЛЕТЕНО?

В экспертном комментарии выше мы уже затрагивали позиции Конституционного Суда по вопросу сексуальной ориентации и сексуальных меньшинств применительно к конкретным статьям Конституции. В этом разделе рассмотрим решения Конституционного Суда подробнее.

Всего Конституционным Судом было принято около пяти решений, которые так или иначе затрагивают проблемы сексуальных меньшинств в России. Большинство решений относится к определениям и ограничивается констатацией правоты законодателя. Вопрос защиты сексуальных меньшинств также поднимался в Заключение Конституционного Суда по вопросу поправок в Конституцию.

В решениях Конституционного Суда затрагивались вопросы, связанные с нарушением таких конституционных прав, как право на достоинство личности (часть 1 статьи 21), а также свобода мысли и слова и «право на информацию» (части 1 и 4 статьи 29). Все они фигурировали в Определении от 24 октября 2013 года № 1718-О, Постановлении от 23 сентября 2014 года № 24-П, Определении от 27 октября 2015 года № 2534-О-Р. В Определении Конституционного Суда от 16 ноября 2006 года № 496-О фигурировало конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (часть 1 статьи 23).

1) Определение от 16 ноября 2006 года № 496-О

Заявители оспаривали конституционность пункта 1 статьи 12 Семейного Кодекса, который касается условий заключения брака. По их мнению, положения кодекса, не позволяющие заключать брак между лицами одного пола, нарушают конституционные права, гарантированные статьями 17, 18, 19 и 23 Конституции. В своей аргументации заявитель ссылается на опыт европейских стран, в которых официально признаются однополые браки или зарегистрированные партнёрства между лицами одного пола. Отвечая заявителю, Конституционный Суд отмечает, что ни Конституция, ни принятые Россией международно-правовые обязательства не предусматривают обязанность государства создавать условия для *«пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола»*. Такой взгляд согласуется с национальными традициями отношения к браку как к *«биологическому союзу мужчины и женщины»*. Кроме того, Конституционный Суд исходит из того, что одно из предназначений семьи — это рождение и воспитание детей. По мнению Конституционного Суда, заявитель фактически требует *«государственного признания своих взаимоотношений с другим мужчиной путем их регистрации в виде особого защищаемого государством союза»*.

Из данного определения можно сделать следующие выводы. Во-первых, требование о равном браке между лицами одного пола — это одновременно и *пропаганда* нетрадиционных сексуальных отношений. Во-вторых, браком считается только союз мужчины и женщины, а основное предназначение семьи — рождение и воспитание детей. Всё остальное браком считаться не может. То есть Конституционный Суд исходит из того, что невозможность партнёров одного пола биологически завести потомство является преградой для заключения ими брака или иного союза. В-третьих, Конституционный Суд рассматривает брак как союз мужчины и женщины, который также направлен на защиту материнства и детства, то есть исходит из того, что однополые браки противоречат и, в определённой степени, угрожают традиционному браку.

2) Определение от 19 января 2010 года № 151-О-О

Заявители оспаривают конституционность статьи 4 Закона Рязанской области от 3 апреля 2006 года № 41-ОЗ, а также статью 3.10 Закона Рязанской области от 4 декабря 2008 года № 182-ОЗ. Согласно данным законам, публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма, не

допускаются и влекут за собой наложение административного штрафа. По мнению заявителей, приведённые законоположения нарушают статьи 19, 29 и часть 3 статьи 55 Конституции, то есть принцип равенства, свободу мысли и слова, а также несоразмерно ограничивают их конституционные права.

Конституционный Суд отметил, что правовое регулирование прав и свобод человека, в том числе административное законодательство, находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов (статья 72 Конституции). Поэтому субъекты могут самостоятельно устанавливать новые составы административных правонарушений и административную ответственность. При этом законоположения не должны противоречить Конституции. Таким образом, само по себе установление административной ответственности законом субъекта не может рассматриваться как нарушение конституционных прав.

Кроме того, Конституционный Суд сослался на необходимость защиты семьи, материнства и детства «в их традиционном, воспринятом от предков понимании». Такой подход к семейным ценностям должен обеспечить непрерывную смену поколений и условия для сохранения многонационального народа. Соответственно, когда законодатель регулирует отношения, связанные с защитой детей от пропаганды гомосексуализма, он справедливо исходит из того, что защита интересов несовершеннолетних — это важная социальная ценность. Поэтому необходимо защищать детей от тех факторов, которые негативно влияют на их *«физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие»*. Конституционный Суд соглашается с подходом регионального законодателя о необходимости защитить детей от информации, которая может сформировать искажённые представления *«о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных отношений»*.

Касательно свободы слова Конституционный Суд указал, что, хотя свобода слова гарантируется каждому, она может быть ограничена в соответствии с законодательством в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия для предотвращения беспорядков и преступлений, охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц.

Конституционный Суд констатирует, что оспариваемые законы Рязанской области не нарушают права заявителей, поскольку не закрепляют каких-либо мер, которые направлены на запрет гомосексуализма, его порицание или дискриминацию. Поэтому о каких-либо ограничениях прав речи быть не может.

В данном решении интересен новый аспект отношения Конституционного Суда к сексуальной ориентации. Кроме озвученного ранее подхода о том, что традиционные ценности противостоят «нетрадиционным», Конституционный Суд устанавливает, что традиционные и нетрадиционные отношения социально неравноценны. Иными словами, прямо говорится о неравенстве между представителями сексуальных меньшинств и представителями традиционных отношений, что прямо противоречит статье 19 Конституции. Этот взгляд и подход Конституционный Суд никак не обосновывает.

3) Определение от 24 октября 2013 года № 1718-О:

В жалобе в Конституционный Суд заявитель пытался оспорить конституционность статьи 7.1 Закона Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 года № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», которая устанавливает административную ответственность за публичные действия, направленные на пропаганду ЛГБТ-ценностей, *«то есть мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности»* среди несовершеннолетних. По мнению заявителя, эти положения закона не соответствуют части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, частям 1 и 2 статьи 19, части 1 статьи 21, частям 1, 2, 4 статьи 29 и части 3 статьи 55 Конституции.

Конституционный Суд ответил заявителю следующим образом.

Во-первых, человек свободен в определении своих убеждений и предпочтений, в том числе по вопросам личной жизни. Свои убеждения можно беспрепятственно распространять, а государство не должно произвольно вмешиваться в сферу автономии личности. В то же время государство устанавливает пределы распространения такой информации, чтобы обеспечить баланс интересов всех членов гражданского общества — *«как разделяющих его систему ценностей, так и ориентированных на иные модели социального поведения»*. Это ограничение не выходит за рамки Конституции и действий законодателя. Последний регулирует права и свободы с учётом сложившихся конкретно-исторических представлений о ценностях семьи, материнства, отцовства и детства.

Во-вторых, необходимо защищать детей от деформирующей информации. Запрет «пропаганды гомосексуализма» направлен на предотвращение *«повышенной концентрации внимания детей на вопросах сексуальных взаимоотношений»*. По мнению Конституционного Суда, подобная «концентрация внимания» способна деформировать представление детей о роли и ценности сексуальных отношений, а также воспрепятствовать *«формированию полноценной личности»*.

В-третьих, о каком-либо неравенстве говорить не приходится: запрет носит общий характер, то есть касается любых лиц, а не только представителей сексуальных меньшинств. Поэтому сам по себе запрет никого не дискриминирует, не нарушает конституционный принцип равенства, а также не умаляет достоинство граждан в зависимости от их сексуальной ориентации.

Взгляд на вопросы сексуальной ориентации и так называемой «пропаганды гомосексуализма» в этом решении значительно отличается от предыдущих решений. Во-первых, Конституционный Суд чётко рассматривает сексуальное самоопределение как определённую систему взглядов: если ЛГБТ — это система взглядов, которую можно распространять, значит, распространение этих взглядов можно ограничить. Во-вторых, ограничение на распространение такой информации Конституционный Суд толкует с позиции «баланса интересов всех представителей гражданского общества». Из этой позиции следует, что угроза пропаганды нетрадиционных отношений настолько велика и настолько угрожает традиционной семье и детству, что требует сдерживания и государственного вмешательства. В-третьих, информация о природе нетрадиционных сексуальных отношений деформирует детскую личность и препятствует формированию полноценной личности. При этом Конституционный Суд снова констатирует, что ни о каком вмешательстве в вопросы сексуальной ориентации или о нарушении прав меньшинств речи идти не может.

4) Постановление от 23 сентября 2014 года № 24-П

В Конституционный Суд обратилось несколько ЛГБТ-активистов. В своей жалобе они оспаривали конституционность части 1 статьи 6.21 КоАП РФ. По мнению заявителей, оспариваемая норма противоречит части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, частям 1 и 2 статьи 19, части 1 статьи 21, частям 1, 2, 4 статьи 29 и части 3 статьи 55 Конституции. Запрет на пропаганду ЛГБТ-ценностей заявители связывали с тем, что он основан на предрассудках, согласно которым гомосексуальные отношения осуждаются как безнравственные. Более того, под запрет «пропаганды» фактически подпадает любая информация о гомосексуальности, в том числе такая информация, которая содержит лишь утверждение *«о социальной равноценности близких отношений между людьми разного пола и между людьми одного пола»*. Подобный подход в законодательстве влечёт за собой умаление достоинства граждан негетеросексуальной ориентации и дискриминацию по признаку сексуальной ориентации.

Позиции Конституционного Суда заслуживают наиболее пристального внимания.

Об индивидуальной автономии личности. Конституция закрепляет принцип индивидуальной автономии личности. К этой же сфере относится и свобода сексуального самоопределения, которая предполагает существование объективных различий в сексуальной идентичности. Лица, достигшие совершеннолетия, могут выбирать конкретные варианты сексуального поведения, в том числе такие, которые большинством могут оцениваться неодобрительно. Сексуальная ориентация не может служить правомерным критерием установления различия в правовом статусе человека и гражданина — это бы противоречило конституционным гарантиям равенства и запрету

дискриминации (статья 19, часть 2). Более того, государство обязано принимать меры по защите и восстановлению прав и не допускать их ущемлений по мотивам сексуальной ориентации, а его вмешательство в сферу индивидуальной автономии должно быть минимальным.

По вопросу свободы слова и свободы распространения информации. Поскольку Конституция не устанавливает какие-либо идеологические или мировоззренческие критерии и ограничения, нет и не может быть никакого запрета на общественные дискуссии о природе сексуальных отношений или навязывания взглядов большинства меньшинству. Недопустима форма подачи информации о сексуальных отношениях, которая оскорбляет общественную нравственность применительно к сексуальным установкам как большинства, так и сексуальных меньшинств. Точно так же недопустимо ограничивать или создавать препятствия для ведения дискуссий, равно как недопустимо и то, что сама принадлежность к сексуальным меньшинствам «*может выглядеть оскорбительной с точки зрения принятых в российском обществе норм морали*». Иными словами, Россия как правовое демократическое государство предполагает возможность свободного существования в общественном дискурсе и информационном поле различных, в том числе противоречивых, взглядов, мнений и суждений. Право на распространение информации по вопросам сексуальной ориентации не должно нарушать права и свободы других лиц.

О необходимости ограничения информации по теме сексуальной ориентации. По мнению Конституционного Суда, вопросы индивидуальной автономии, в том числе сексуальной ориентации, носят «*деликатный характер*», который позволяет государству вводить ограничения на распространение информации, если она носит агрессивный, оскорбительный и навязчивый характер и может причинить вред, в первую очередь, несовершеннолетним. Кроме того, распространение убеждений и предпочтений в сфере сексуальной ориентации не должно ставить под сомнение и общественную нравственность, которая сложилась в российском обществе. Обратное, по мнению Конституционного Суда, противоречило бы основам правопорядка.

О защите материнства и детства. Материнство и детство нуждаются в особой защите государства. Этот подход основан на традиционном представлении о семейных ценностях. Для того чтобы исполнить обязанности по защите несовершеннолетних, находящихся в уязвимом положении, государство вправе предпринимать определённые меры защиты. Цель оспариваемой нормы — оградить ребёнка от той информации, которая может подтолкнуть его к нетрадиционным сексуальным отношениям, препятствующим выстраиванию традиционных семейных отношений, а также предотвратить повышенную концентрацию внимания детей на вопросах сексуальной ориентации. По мнению Конституционного Суда, распространяемая «пропаганда» способна деформировать представление ребёнка о семье, материнстве, отцовстве и детстве, а также негативно повлиять на психологическое состояние и развитие ребёнка. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений может сформировать искажённые представления о социальной равенности традиционных и нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних.

Примечательно, что Конституционный Суд здесь делает оговорку, указывая, что «возможность влияния соответствующей информации, даже поданной в навязчивой форме, на будущую жизнь ребенка не является безусловно доказанной», но тут же оправдывает законодателя, устанавливая, что последний вправе основываться на некой презумпции наличия угрозы интересам ребёнка. Конституционный Суд также указывает, что «навязываемые социальные установки», которые отличаются от традиционных и общепринятых, могут восприниматься родителями как неприемлемые. Согласно семейному законодательству, именно родители ответственны за воспитание и развитие детей.

Закон никак не нарушает прав сексуальных меньшинств. Запрет так называемой «гей-пропаганды» среди несовершеннолетних, по мнению Конституционного Суда, ещё не означает какую-либо негативную оценку сексуальных отношений и тем более не направлен на умаление чести и достоинства представителей сексуальных меньшинств. Более того, закон не содержит какое-либо официальное порицание нетрадиционных отношений или их запрет. Иное означало бы нарушение Конституции, принципа равенства и запрета дискриминации. Цель этого регулирования — защитить семью и детство, предотвратить вред здоровью и нравственному развитию несовершеннолетних, а не вмешиваться в вопросы индивидуальной автономии и сексуального самоопределения.

Конституционный Суд ещё раз подчеркнул, что часть 1 статьи 6.21 КоАП РФ не предполагает расширительного понимания.

Запрет «пропаганды» не препятствует беспристрастному и нейтральному обсуждению вопросов статуса сексуальных меньшинств или организации и проведения публичных мероприятий. Освещение вопросов сексуальной ориентации не должно выступать средством пропаганды, то есть формировать предпочтения, связанные с выбором нетрадиционной ориентации, или навязывать какую-либо сексуальную идентификацию.

5) Определение от 27 октября 2015 года № 2534-О-Р

Заявитель просил разъяснить пункт 1 резолютивной части Постановления от 23 сентября 2014 года № 24-П в части, где сказано, что часть 1 статьи 6.21 КоАП РФ *«не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение публичных мероприятий»*. Заявитель хотел узнать, какие именно публичные мероприятия могут быть организованы и проведены сексуальными меньшинствами без нарушения указанной статьи КоАП РФ.

Конституционный Суд снова повторил свою старую позицию, согласно которой вопросы, связанные с сексуальными меньшинствами, имеют *«деликатный характер»*, который касается права на частную жизнь и индивидуальную автономию сексуального самоопределения. Государственное вмешательство в такие вопросы должно быть минимальным.

Вместе с тем запрет на «пропаганду» среди несовершеннолетних или попытка навязать им информацию о нетрадиционных отношениях не подлежат расширительному толкованию: применение части 1 статьи 6.21 КоАП РФ не должно отступать как от принципов индивидуальной автономии, невмешательства в частную жизнь и свободы слова, так и от защиты семьи, материнства, отцовства и детства. Более того, часть 1 статьи 6.21 КоАП не должна предполагать автоматического запрета *«на любую информацию в области нетрадиционных сексуальных отношений»*. Иными словами, Конституционный Суд ещё раз подчеркнул, что запрет «пропаганды» не означает запрет на получение и распространение информации «общего, нейтрального содержания», на проведение публичных мероприятий, а также открытых публичных дебатов. Главное условия состоит в том, что такие действия не должны навязывать жизненные условия несовершеннолетним, *«не способным в силу возраста самостоятельно критически оценить такую информацию»*.

По существу, Конституционный Суд не ответил на запрос заявителя, поскольку (1) выводы Суда не содержат каких-либо неясностей, а значит, в разъяснении не нуждаются, (2) вопрос о публичных мероприятиях не был и не может быть предметом рассмотрения Конституционного Суда.

6) Заключение от 16 марта 2020 года № 1-3

Данная позиция Конституционного Суда РФ касалась изменений статьи 72 Конституции, пункта «ж.1». Согласно норме, в совместном ведении Российской Федерации находятся *«защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях»*.

Кроме цитирования упомянутых выше позиций, Конституционный Суд сам делает интересную оговорку, которая касается сексуальной ориентации и индивидуальной автономии. По его мнению, конституционное закрепление брака как союза мужчины и женщины не снимает с государства *«конституционные обязанности не допускать произвольного вторжения в сферу частной жизни, уважать связанные с нею различия, принимать меры, направленные на исключение возможных ущемлений прав и законных интересов лиц по мотиву их сексуальной ориентации, и обеспечивать эффективные возможности для защиты и восстановления их нарушенных прав»*

на основе закрепленного в статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принципа равенства всех перед законом и судом».

Эта оговорка из Заключения Конституционного Суда интересна тем, что она сделана по инициативе самого Суда, то есть никто не просил Конституционный Суд проверять и оценивать эту норму на предмет предполагаемых нарушений прав сексуальных меньшинств. По всей видимости, Суд решил, во-первых, «успокоить» потенциальных противников поправок, указав, что «брак как союз мужчины и женщины» против них не направлен, то есть решал политическую задачу накануне общероссийского голосования, а во-вторых, снова пытался сохранить демонстративный (но не фактический!) баланс и половинчатость позиций. Такая «половинчатость» присутствует практически в каждом решении Конституционного Суда по вопросам сексуальной ориентации и сексуальных меньшинств: сперва Суд оговаривает недопустимость вмешательства в вопросы ориентации, а затем всё равно становится на сторону законодателя.

Несмотря на мотивы Конституционного Суда, эта позиция очень важна в контексте действующих законов против «ЛГБТ-пропаганды»: Суд прямо пишет о конституционной (sic!) обязанности государства не только препятствовать произвольному вторжению в частную жизнь, но и через свои механизмы воспрепятствовать ущемлению прав по мотиву сексуальной ориентации, обеспечивая возможность восстановления нарушенных прав.

* * *

Анализ решений Конституционного Суда позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, Конституционный Суд пытается самоустраниться от разрешения вопроса о степени вмешательства государства и «традиционных ценностей» в сферу сексуальной ориентации. Ни в одном решении Конституционный Суд практически не высказывается однозначно по вопросу дискриминации сексуальных меньшинств или о необходимости создания дополнительных гарантий данной категории. По нашему мнению, Суд намеренно не даёт однозначную оценку и «переводит стрелки» на законодателя, чаще всего пересказывая его аргументы, но не давая должную конституционно-правовую оценку. Возможно, это связано с тем, что судьи понимают очевидную абсурдность ограничений, но не хотят брать на себя ответственность по её «цементированию» в практике.

Во-вторых, решения Конституционного Суда носят половинчатый характер. Так, с одной стороны, подчёркиваются важность невмешательства государства в частную жизнь и обязанность принимать меры против дискриминации по мотиву сексуальной ориентации, а с другой — Суд поддерживает законодателя, постулирует неравенство традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и фактически допускает вмешательство в сферу сексуальной автономии.

В-третьих, Конституционный Суд исходит из ложной дилеммы о том, что сексуальные меньшинства и «нетрадиционная сексуальная ориентация» представляют угрозу для традиционных семейных ценностей и, в особенности, для детей, а также препятствуют воспроизведению потомства. В своих решениях Суд также не раз подчёркивал, что «ЛГБТ-пропаганда» может деформировать детей и воспрепятствовать их нормальному развитию. При этом исходящая от «нетрадиционной пропаганды» угроза традиционной семье, по мнению Конституционного Суда, настолько высокая, что требует государственного вмешательства.

В-четвёртых, Конституционный Суд исходит из того, что вопросы сексуальной ориентации — это некая система взглядов и ценностей. Предполагается, что такие взгляды и ценности можно посредством пропаганды навязать другому человеку и сделать его представителем сексуальных меньшинств, а значит, поставить под угрозу процесс производства потомства. Подход, согласно которому ориентация может быть навязана «извне», позволяет Конституционному Суду говорить о том, что «агрессивное распространение», то есть пропаганда, таких взглядов (а значит, и практически любая информация об ЛГБТ) может быть ограничено для защиты семьи и детства.

Несмотря на кажущуюся «мягкость» ряда позиций Конституционного Суда, позиции об индивидуальной автономии и необходимости защиты от дискриминации по мотивам сексуальной

ориентации не способствовали более умеренной позиции законодателя. Наоборот, другая сторона позиций Суда, которая оправдывала любые дискриминационные подходы, в том числе рассматривая ЛГБТ как «систему взглядов», которая угрожает детям, семье и т. д., являясь «неравноценной» традиционным отношениями, во многом привела к текущим запретам практически любой информации об иных сексуальных ориентациях. Если и уместно говорить про некую вину Конституционного Суда, то она заключается в том, что Суд изначально избрал «половинчатый» путь, не пресекая «аппетиты» законодателя по вмешательству в сферу сексуальной ориентации и сексуальных меньшинств.

ВЫВОДЫ

На самом деле, самая трудная часть нашего доклада — это выводы. Нам было очень трудно делать какие-то выводы, поскольку хочется сказать, что недостатки нового регулирования и так очевидны. Вопросы, связанные с ЛГБТ+, сложно обсуждать без эмоций или при полном равнодушии, но, так или иначе, это один из тех вопросов, который в какой-то степени «будоражит» общество. В нашем докладе мы старались придать этому вопросу академический характер: во-первых, права представителей ЛГБТ+ — это конституционные права человека и гражданина, то есть предмет конституционного права, а во-вторых, права представителей ЛГБТ+, как и конституционные права других уязвимых и дискриминируемых социальных групп, не могут ограничиваться *uno iusto* в угоду сиюминутному политическому решению. Мы оценили законодательные новеллы на предмет соответствия Конституции, а также рассмотрели позиции Конституционного Суда и пришли к следующим выводам.

Во-первых, как Конституционный Суд, так и парламентарии исходят из ложного противопоставления «традиционных и нетрадиционных ценностей», которые находятся друг с другом в антагонистическом конфликте. Это следует как из решений Суда, так и из пояснительной записки к законам, а также из стенограмм заседания. При этом предполагается, что «нетрадиционные ценности» наносят вред «традиционным», то есть семье, материнству, детству и т. д. Подобный подход ни законодатель, ни Конституционный Суд никак не обосновывают. Ложная дилемма об антагонизме, подобно парменидовскому бытию, «*просто есть*». Именно опираясь на «угрозу» традиционным ценностям законодатель стремится ограничить права представителей ЛГБТ+ по всем направлениям: от Интернета и кинематографа до книгоиздания. Таким образом, в законопроект изначально заложена неправовая цель: преднамеренно противопоставить друг другу «ценности», для того чтобы ограничить конституционные права определённой группы населения.

Во-вторых, законодатель мотивирует ограничение любой информации об ЛГБТ+ в публичном пространстве тем, что принадлежность к ЛГБТ+ сообществу — это система взглядов, которую можно навязывать не только детям, но и взрослым. Ранее позицию о том, что это является системой взглядов, уже высказывал Конституционный Суд. Складывается впечатление, что, ограничивая информацию о сексуальной ориентации и для взрослых, законодатель утверждает, что негетеросексуальность — это выбор человека, а гетеросексуальные люди неспособны самостоятельно определиться со своей сексуальной идентификацией и подвержены некому влиянию извне.

В-третьих, все формулировки закона носят характер полной правовой неопределённости и позволяют нарушить практически любые конституционные права и свободы. Может показаться на первый взгляд, что вопрос касается только представителей ЛГБТ+ сообщества и нарушает лишь небольшой перечень прав. В действительности же неопределённость закона позволяет нарушать куда больше: от свободы самовыражения, свободы слова, СМИ до права на публичные мероприятия и объединения. Кроме прочего, закон не соответствует и основам конституционного строя: носит дискриминационный характер и де-факто устанавливает некие обязательные критерии в отношении взглядов, высказанных мнений и позиций, за несоответствие которым наступает ответственность, то есть обязательную идеологию и цензуру. Последнее позволит вмешиваться не только в публичную сферу, но и в сферу частной и личной жизни любого человека. Как говорится, «с водой выплёскивают и ребёнка»: их неопределённость позволяет привлекать к ответственности любого человека, независимо от ориентации. Это будет определяться той трактовкой неопределённых понятий, которые в конкретном случае даст правоприменитель. Фактически закон направлен на запрет всей публичной активности, которая хоть какой-то касается негетеросексуальной ориентации, в том числе научной деятельности, исследований вопросов сексуальной идентификации и т. д. Под запрет также могут попасть как дружеские объятия на фото в соцсетях, так и профили в приложениях для знакомств. Регулирование размыто настолько, что любую жизненную установку или высказанную мысль можно квалифицировать как пропаганду.

В-четвёртых, закон полностью противоречит даже «половинчатому» подходу Конституционного Суда. Если свою позицию Конституционный Суд обосновывал тем, что «пропаганда» вредит детям, при этом указывая на недопустимость исключения ЛГБТ+ сферы из публичного пространства

(например, круглые столы, обсуждения, публичные мероприятия), поскольку это бы нарушало целый ряд конституционных прав и свобод, то федеральный законодатель идёт намного дальше и запрещает даже то небольшое, что возможно, то есть сам факт обсуждения ЛГБТ+. Под угрозу могут попасть как интернет-сайты правозащитных центров, так и некоммерческие организации в области борьбы с ВИЧ/СПИД.